

После получасового полета на полной скорости Брюнхильд начала планирование.

Девушка наблюдала за проносящимся с огромной скоростью пейзажем. Местность внизу ненадолго потемнела, но через некоторое время там снова показался свет.

Она могла видеть огни города внизу и залив, врезавшийся в сушу на юго-западе.

— Кобе, Осака и Сакаи.

Брюнхильд пробормотала названия городов, видимых внизу, и пальцами правой руки слегка постучала по философскому камню, которым управлялась метла. Едва ее скорость упала, она удостоверилась, что из нижней части метлы выдвинулось вертикальное крыло-стабилизатор. Рассекая телом ветер, девушка приподнялась вверх.

Ее пятки по-прежнему опирались на щетку, так что ее поза напоминала сэйдза[[]]Сэйдза — поза сидящего, означающая уважение и, отчасти, подчинение, хорошо знакомая всем любителям аниме.. Сияние, исходящее из метлы, снова стало бело-голубым, поэтому Брюнхильд слегка нажала на камень, чтобы вернуть свет в видимый спектр.

— Подобные маневры на низкой скорости поглощают немало топлива.

Она вздохнула, стряхнула иней с полов треугольной шляпы и вновь глянула вниз.

Количество огней под ней снова сокращалось. Внизу темнела горная местность.

Всматриваясь вниз, она обратилась к коту, цеплявшемуся за кончик рукояти.

— Гляди, вот и лес.

Девушка подождала пять секунд, но не получила ответа. Затем наклонила голову и взглянула перед собой.

Кот прижался к рукоятке метлы всем телом. И это была единственная его реакция.

Почему-то шкурка кота слегка блестела в лунном свете.

— ?..

Брюнхильд пригляделась и обнаружила, что все тело кота покрылось инеем. Эта изморозь и отражалась в свете луны.

— Как красиво, — промолвила она как раз перед тем, как кот свалился с рукояти.

Он потерял равновесие и начал падать вниз. Мгновение на это посмотрев, Брюнхильд ойкнула и вытянула руку. Она подхватила кота за хвост и вернула назад.

Девушка удерживала черного кота на уровне лица. Его глаза были широко распахнуты и уставились прямо перед собой, а уголки рта примерзли к месту, распахнувшись на максимальное расстояние. Брюнхильд нахмурилась и потрясла кота вверх-вниз.

— Что ты творишь? Это же опасно.

Наконец, кот завелся.

— Вааа! — воскликнул он, и затряс лапами. — Я-я-я-я умираю! Ты меня убиваешь!

— Что случилось? Ты произнес это так взволновано. У тебя снова был плохой сон?

— Д-д-д-да, да, да! У меня был сон, в котором меня швырнули в воздух и я заледенел! Это был сон, правда?..

— Конечно, сон. Но как необычно. Ты уснул с самым забавным выражением лица в истории, — Брюнхильд держала кота одной рукой. — Ладно, даже если у тебя был страшный сон, не переживай. Я с тобой.

— А тебе можно верить?..

— Ты что-то сказал?

— Нет, ничего, — прозвучал ответ из-под руки Брюнхильд.

В этот момент землю внизу полностью скрыла тьма.

Брюнхильд слегка наклонила метлу вниз и направо. Девушка повернула в глубину гор.

Медленно, но уверенно, она снижалась. Но из-за темноты гор внизу и ночного неба сверху было сложно сказать, что они опускаются. Чтобы проверить уровень горизонта, Брюнхильд поискала позади себя свет Осаки.

Она спускалась.

Тьма впереди постепенно обретала форму. В лунном свете вырисовывались голые скалы и очертания деревьев.

— Почти на месте, — пробормотала она, сосредоточившись на лесе, проплывающем в свете луны.

Брюнхильд могла разглядеть шеренгу прямоугольных искусственных объектов — здания.

Из этого ряда неосвещенных строений в горном лесу складывалась деревня.

Черный кот у ее груди заговорил:

— Там никогда никого нет. Это действительно город-призрак.

— ...Найти заброшенные области в твоём Гире — наивысшая роскошь.

— Люди, жившие в этой деревне и люди, что живут в громадном городе позади, не знают ничего о разрушении твоего Гира. Если бы они знали, они, возможно, выразили бы какое-то сожаление.

Заброшенная деревня проносилась прямо под ними.

Наблюдая за ней, Брюнхильд произнесла:

— Но почему UCAT никому не рассказали о Концептуальной Войне?

— Они, наверное, хотели сыграть роль героев. Они планировали тайком все закончить прежде, чем в мире поднимется смута... Это полная противоположность королю 1-го Гира. Для его защиты король делал всё возможное. Он выдвинул для обороны механических драконов и разделил Концептуальное Ядро на две части.

— И Зиффрид этим воспользовался. Королевский дворец был разрушен, и командная структура развалилась. Доктор Регин соединился с механическим драконом Фафниром и попытался защитить половину концептов 1-го Гира, хранившихся внутри, но Зиффрид похитил священный меч Грам, созданный Доктором Регином, и... — Она вздохнула. — Если бы Фафнир доктора Регина был Фафниром Возрожденным Преподобного Хагена, всё могло обернуться иначе.

— Как? Чем так отличается модифицированная версия?

— Ой, подожди секунду. Я уже вижу штаб-квартиру.

Неподалеку от заброшенной деревни угадывались два громадных строения. Там находилась школа. Здания были школой и спортзалом. Брюнхильд опустилась в направлении спортзала.

— Модифицированная версия механического дракона усилена для защиты. Она обладает двумя реакторами: один для движения и один для вооружения. У старого Фафнира, с которым соединился Преподобный Регин, был всего один реактор, так что он умер, когда священный меч Грам разрушил реактор, в котором содержалось Концептуальное Ядро.

— А Фафнир Возрожденный Преподобного Хагена?..

— Обладает оставшейся половиной Концептуального Ядра, запечатанной в реакторе вооружения. Эта сила — средоточие недовольства всего 1-го Гира. Даже если мы ее утратим, оставшийся реактор движения будет использован, чтобы сокрушить врага, иначе он будет разгромлен.

Брюнхильд почувствовала, что кот задрожал.

— Тебе страшно? Не переживай. Преподобный Хаген не будет побежден.

— Эм, нет. Дело не в этом. После такого охлаждения мне захотелось в туа... Эй, прекрати меня так поднимать! А-а, ходить под себя — это так унижительно!

Ночью в Библиотеке Кинугасы Казами и Изумо занимались подсчетом финансов.

— Сейчас, может, и весенние каникулы, но у нас накопилось немало работы с тех пор, как мы взялись за это в прошлом семестре... О, Каку. Тебе не нужно так увлекаться копированием этих расписок, а то ты начинаешь выглядеть как робот. У тебя, оказывается, бывает серьезный взгляд.

— Ох, как бы это так сказать? Меня привлёк запах клея. Думаю, ты бы сказала, что это привычка?..

Казами его проигнорировала. Она усердно расчерчивала бухгалтерскую книгу в руках на дебет и кредит.

Но неожиданно она взглянула вверх. Со своего места рядом с ней, Изумо обратил на это внимание.

— В чем дело? Что-то не так с... гах!! Дурилка! Я еще даже ничего не сказал!

Казами пропустила возражения Изумо мимо ушей и вернула назад руку, которой ударила влево. Зигфрид глянул на нее из-за стойки, но она ему помахала, говоря, что это ничего. Затем она поднялась.

— ...Звук? Как странно, — пробормотала она перед тем, как зашагать к западному краю Библиотеки Кинугасы.

Там находилась подсобка. Девушка протиснулась через узкий проход в небольшую комнатку, где хранились стопки книг и свернутые карты.

— Что там такое? — окликнул Зифгрид через пространство протяжностью в четыре класса от стойки до подсобки. Казами повернулась, и окинула взглядом всю ширину Библиотеки Кинугасы. Она заговорила достаточно громко, чтобы ее услышали от входа в подсобку.

— Вы не слышали только что птичий щебет?

— Стена с этой стороны, должно быть, резонирует, поэтому можно услышать звуки из верхних этажей. Комната изобразительного искусства на третьем этаже и музыкальная комната на втором расположены отдельно.

— Но почему здесь птица? Мне что, послышалось?

Едва задав этот вопрос, она взглянула вверх, поняв. Она услышала это снова.

— Хм. Насколько я помню, Брюнхильд Шильд, глава клуба изобразительного искусства, растит одну у себя. Она единственная, кто пользуется комнатой изобразительного искусства во время весенних каникул.

— Вы многое об этом знаете, — заметил Изумо.

Зигфрид кивнул и ответил:

— Она, похоже, меня недолюбливает.

Он говорил настолько убедительно, что Казами не смогла ничего возразить.

Она вернулась назад за стол. Пока Изумо вслушивался в ее шаги, он задал вопрос, чтобы смягчить ситуацию.

— Если подумать, — он осторожно подбирал слова. — Насколько вообще силен 1-й Гир? Все что осталось — это Городская фракция, ведь так? Как много у них сил?

Он направил свой вопрос Зигфриду.

Мужчина глянул на него из-за стойки.

— У нас сегодня был конфликт, припоминаешь?

— Ага. Насколько они сильны, если сравнивать с этим?

— Сегодняшняя битва не более чем детская забава. Истинная сила 1-го Гира не в магии, созданной словами. А в чистом насилии, поддерживаемом словами.

Над школьными строениями, вокруг которых скопилось немало мусора, снижалась Брюнхильд.

Повсюду лежали сухие листья, и ни в школьном здании, ни в спортзале не оставалось ни единого целого окна.

Школу давно забросили.

Развернув крылья вокруг себя, Брюнхильд опустилась перед спортзалом. За пять метров от земли девушка начала приготовления к посадке.

В правой руке она сжимала синий камушек и рукоятку метлы. Брюнхильд медленно расслабила хватку правой руки, опуская часть со щеткой вниз. Она постепенно выровняла метлу вертикально.

Едва ветер от щетки прокатился по земле прямо под ней, черный кот прыгнул вниз, как будто отсложившись от рукоятки. Затем Брюнхильд поместила стопы на землю и полностью остановила отдачу метлы.

Она издала вздох.

Затем отвязала синий камушек, прикрученный к метле цепочкой, постучала по рукоятке и произнесла:

— Отличная работа.

Вслед за этим они оба потянулись, разминаясь, практически одновременно.

— Аах... Стоять на земле определенно лучше всего.

— Я только что услышал самое эгоистичное заявление на свете...

— Я в хорошем настроении, так что пропущу это мимо ушей, — сказала Брюнхильд с улыбкой, перед тем как зашагать к спортзалу.

Дверь помещения висела на одной петле. Сквозь проем можно было заглянуть внутрь. Пол прогнил, обшивка разодралась, и повсюду виднелись громадные дыры. Из баскетбольных колец, заготовленных для двух площадок, одно свисало вниз под углом, а второе обвалилось на пол.

Брюнхильд вошла в заброшенный спортзал через главный вход.

Как только она пересекла порог, синий камень в медальоне на ее шее окружил слабый свет.

Она услышала голос. Это Концептуальный Текст, произведенный Концептуальным Ядром внутри механического дракона. Он поддерживал мировоззрение 1-го Гира.

— Слова обладают способностью наделять силой.

В тот же миг слова, выгравированные на медальоне, засветились.

Кота под ее ногами тоже на мгновение окружило светом.

И затем мир изменился.

Когда Брюнхильд взглянула вперед еще раз, она увидела крепость.

Пол и сцену внутри спортзала убрали и заменили ангаром с деревянным полом. Там выстроилось множество шкафов, заполненных боевыми метлами, винтовками, копьями и прочим оружием. Помимо этого там лежали тщательно собранные рюкзаки и другое снаряжение для выхода наружу.

В центре ангара находился громадный деревянный лифт, ведущий под землю. Рядом с ним виднелся одинокий проем с пандусом, тоже ведущим в подземелье.

Брюнхильд направилась к пандусу и поприветствовала гигантских солдат, патрулирующих ангар.

— Я давно уже не заходила, но у вас тут все нормально? Надеюсь, Вас не обнаружили?

— Всё хорошо, — ответил старый гигант, слегка помахав и развернувшись.

Брюнхильд помахала в ответ и продолжила путь к спуску. Взглянув на лифт, она увидела вырезанное на обшивке слово «сталь».

Но это слово пересекали многочисленные царапины.

Их оставили громадные когти. Брюнхильд глянула вниз на кота.

— Преподобный Хаген любит лунный свет, поэтому он выбирается наверх при любом случае, — вздохнула она.

Глядя на эти царапины, девушка продолжила путь вниз по скату.

Внутри спуск освещался словом «свет», написанным на потолке. Пол покрывали слова для скольжения, поэтому у нее не было проблем с тем, чтобы идти прямо.

Она добралась до пролета на полпути и продолжила двигаться вниз.

Скат закончился у двери, которая изначально принадлежала главному входу здания школы. Внутри громадной двери был вставлен большой стеклянный кусок, и его поверхность покрывало слово «крепкий». Это не давало увидеть внутренние помещения, несмотря на прозрачность стекла.

Брюнхильд толкнула дверь внутрь.

Под землей было вырублено обширное пространство. Площадью пятьдесят метров, оно поддерживалось квадратными балками и деревянным настилом. Потолок, излучавший бледно-алое сияние, находился на высоте семи или восьми метров. Когда лифт поднимался с пола, дверь в перегородке посреди потолка открывалась.

В данный момент перед платформой лифта собралось множество фигур.

Там шло собрание людей и прочих существ.

Фигуры разделялись посередине, приблизительно по пятьдесят с каждой стороны. Одни стояли, другие смотрели друг на друга и обменивались словами. Слова были настолько громкими, что их можно было назвать криками.

С левой стороны расположились по большей части молодые люди с отличным телосложением, тогда как справа стояли в основном худощавые старики.

Голоса эхом отзывались в подземелье, достигая Брюнхильд в виде простого гула.

Черный кот у ее ног проговорил:

— Представители радикалов и консерваторов снова взялись за свое.

— Как удручающе. Если бы я работала тут, то бы наверняка кричала бы отсюда, с тобой на моей стороне.

— Я просто кот, которого ты подобрала, когда отсюда ушла. Если бы ты была тут, я бы с тобой не был.

— Полагаю, что так, — произнесла Брюнхильд, бросив взгляд в сторону выхода.

Там расположился шкаф с несколькими личными метлами. Взглянув на его содержимое, Брюнхильд насупилась.

— Нынешнее поколение совсем не чтит традиции и хватается прямо за странный ноуз-арт[□]Ноуз-арт(от англ. Nose Art)- декоративный стиль, который заключается в раскрашивании фюзеляжей боевых самолетов. . И что это за шестицветный рог?

— На покрытии нашей метлы цветочный узорчик, ничего?

— Не называй его «покрытием». Это направляющее сопло.

После этого Брюнхильд поставила свою метлу рядом с остальными.

Позади нее в собрании людей раздался особенно громкий голос. Черный кот наострил уши.

— Фафнер.

— Горячности ему не занимать. Хотя когда он прибыл сюда, оставив мирную фракцию, он едва не умер.

— Ну, концептуальная среда Лоу-Гира совсем не приспособлена для его расы.

— Ну что за напасть, — произнесла Брюнхильд, развернувшись.

С левой стороны собрания виднелась странная фигура. Она высилась на два метра и была покрыта черной броней. Она обладала острым угловатым лицом, тремя рогами и длинными белыми волосами. В отличие от одежды, покрывавшей Брюнхильд с головы до ног, он носил куртку с открытой спиной и рубашку, что крепилась к плечам. Причиной того были...

— Крылья на его спине подняты. Он что, пытается их запугать?

Очертания, напоминающие руки, покрытые чешуей, являлись двумя крыльями. Они оба были черными и распрямились к потолку в форме V.

Пока Брюнхильд его осматривала, Фафнер окинул взглядом своих оппонентов и воскликнул:

— Что же нам нужно?!

Пока он говорил, Фафнер развернул покрытые чешуей крылья. Он взмахнул своими длинными опущенными руками.

— Нам нужно вернуть мир 1-го Гира, что мы потеряли! Мы должны отобрать Грам у USAT и сделать Концептуальное Ядро нашим. Высвободив его и заставив противостоять отрицательным концептам Лоу-Гира, мы сможем превратить этот мир в 1-й Гир!

В ответ с противоположной стороны вышел юноша. Он покачал головой:

— Нет! Что нам нужно — это права здесь, в Лоу-Гире. После того, как мы вернем Грам из USAT, мы должны им воспользоваться, чтобы примкнуть к мирной фракции! После этого мы сможем высвободить концепты 1-го Гира и использовать это как преимущество в переговорах!

— Юноша продолжал. — Фафнер, мы тут не для того, чтобы драться. Наша конечная цель — возвращение Грама и получение социальной позиции на уровне Лоу-Гира. Мы не желаем ничего более, и даже если мы должны сражаться, дабы это получить, мы не желаем идти по этому пути без крайней необходимости. Твои идеи ни что иное, как обратное вторжение!

Голос юноши эхом отразился в подземном пространстве, и все фигуры, сидящие рядом с ним, слабо закивали.

Едва Фафнер увидел так много согласных, он изумленно наклонил голову.

— Обратное вторжение? Нет. Называй это возвращением утраченной территории. Землю, что защищали наши предки, уничтожили. Разве это не естественно — сражаться за землю, что займет ее место?

— Лоу-Гир никогда этого не позволит! Если они позволят нам вернуть утраченную территорию, им придется принять такие же требования от прочих Гиров. Ты действительно думаешь, что Лоу-Гир позволит этому случиться?

— Поэтому мы и сражаемся. Разве вы не понимаете? — спросил Фафнер.

Он пренебрежительно согнул обе руки, словно зачерпывая сидящих рядом с ним, и сжал свои громадные пальцы.

Багровый свет, льющийся с потолка, отразил движения его пальцев на пол в форме тени.

— Выслушайте. Лоу-Гир ведет себя так, будто Концептуальной Войны никогда не происходило. Они запечатали всю информацию о ней, и любые действия, направленные на возмездие или попытки раскрыть эту информацию, пресекаются либо УСАТ, либо военными других стран и их правительствами... Позвольте мне задать вопрос — где мы находимся в этом Гире? — он указал себе под ноги. — Ныне мы у этого Гира в тени. То же самое было в резервации УСАТ. Нас затолкнули на жалкий клочок земли. Небо затворено низко над нашими головами, и мы не можем взаимодействовать с внешним миром.

— Разве не затем мы пытаемся выиграть эту битву и получить право на свободу в этом Гире?

— Свободу?.. Пока этот мир не заполнен теми же концептами, что и в 1-ом Гире, я и некоторые другие расы не могут даже дышать нормально. Наша сердечно-легочная система не поддерживается концептами этого Гира. Когда ты говоришь о свободе, ты подразумеваешь свободу каждого из нас?

— Ну...

— Тебе не понять. Твоя раса подобна людям тут, в Лоу-Гире. Твое тело может функционировать под концептами этого Гира и ты можешь слиться с их обществом. До тех пор, пока ты будешь находиться полдня в воде... Древесный дух, тебе никогда не постичь нашей боли. Или боли тех, кто всегда сражается на передовой.

Фафнер проигнорировал то, как его оппонент стиснул зубы.

Вместо этого он взглянул на вход в обширный холл. Направляясь дальше, их обходила стороной фигура.

То была девушка, одетая в черное, в сопровождении черного кота. Фафнер ее окликнул.

— Ты держишь путь вглубь? Лорд Хаген пребывает во сне.

— Я не сомневаюсь, что твой голос его уже разбудил.

— Ха! Я надеюсь на это! Как бы то ни было, как обстоят дела с твоего конца, Найн?

Это имя заставило девушку остановиться.

И не просто так. Она остановилась, топнув ногой по земле.

Когда прогремел звук ее топота, Фафнер сложил руки на груди. Девушка устремила на него недовольный взгляд.

— ...Только Преподобному Хагену дозволено называть меня этим именем. Ты вознамерился посягнуть на его авторитет?

— Мои извинения, Брюнхильд. Я полагал, ты сражаешься, чтобы вернуть это утраченное имя, — произнес Фафнер с ноткой веселья в голосе. — Разве ты не должна следить за Зигфридом и убить его, если представится возможность? Прошло уже три года и ничего, кроме регулярных донесений. Я искренне надеюсь, что ты не пытаешься отделаться отговорками. В конце концов в юности ты и Зигфрид...

Фафнер замолчал из-за громкого крика, раздавшегося от ног девушки.

— Хватит!

Крик исходил от черного кота, что следовал за ней. Он вонзил когти в пол и принял агрессивную позу.

— Мы делаем свою работу, Фафнер! И что это у вас сегодня за разговоры? У вас совещание по поводу сражения фракции Королевского Дворца, которое мы наблюдали, не так ли? Вы только и делаете, что совещаетесь! Мы же на самом деле работаем! — Кот слегка улыбнулся, все еще не меняя позы. — Если вы хотите ее поддержать, как насчет того, чтобы сделать это немного прямолинейнее?

— В последнее время попытки поддержать людей действуют на меня угнетающе. Я прошу прощения за мою иносказательность, — ответил Фафнер, по-прежнему улыбаясь. Затем он повернулся к девушке. — Отправляйся, девушка-долгожитель. Позже мне тоже нужно с ним поговорить.

После чего полудракон снова уставился прямо перед собой.

Он глянул на лица своих оппонентов одно за другим.

— До вас дошло, наконец? Не все тут могут жить под концептами этого Гира, как вы. Добыть нашу свободу и обернуть этот мир в 1-й Гир — это одно и то же, — Фафнер хлопнул в ладоши, — Пока мы не превратим этот Гир в 1-й Гир, мы не можем здесь существовать! Мы, возможно, получим какие-то права и без этого, но будут ли справедливыми эти права? Что за польза от благоприятного отношения, если мы застряли в тесном пространстве?

Юноша, выступавший против него, закрипел зубами.

Едва он начал отступать, кто-то поддержал его сзади. То был старик, сидящий рядом с ним.

Седовласый мужчина положил руку на плечо юноши и заставил его сесть. Затем, старик вышел напротив Фафнера.

И он тут же проговорил:

— Превосходная речь, Фафнер. Но ты позабыл одну вещь.

— Какую же?

Старик указал на Фафнера и покачал головой.

— Ты еще даже не родился, когда 1-й Гир был уничтожен. То был не твой мир, который уничтожили. Это был наш мир. Ты же...

— Но я полудракон 1-го Гира. — прервал его Фафнер, не дав старику закончить. — Послушай. Я верю, что я родом из 1-го Гира. И с этого все начинается, — Фафнер слегка наклонился, чтобы взглянуть старику прямо в глаза, — Я ничего не знаю. Я не знаю моих бесчисленных предков. Я не знаю королевства или его короля. Я не знаю той ограниченной земли. Я не знаю безлунной ночи. Я не знаю неба, в котором могу летать. Я не знаю дня разрушения, в котором мы проиграли. И я не знаю, что я должен защищать. И вот почему я не знаю, что такое гордость! — Он перевел дыхание. — Но вы, старейшины, знаете. Вы знаете, что есть гордость. Вот почему вы можете положиться на вашу гордость, когда вас втолкнули в эти тесные клочки земли. Но у нас нет ничего. И несмотря на это, мы все равно из 1-го Гира. Мы желаем такими быть... В таком случае, что же нам делать? Как же нам обрести эту гордость?!

Пока Фафнер на него взирал, старик нахмурился, но сохранил молчание.

Приняв это молчание как ответ, Фафнер снова выпрямился.

Он заставил свой голос звучать по всему холлу, а не только для тех, что собрались в центре.

— Я хочу всего лишь доказательства, что 1-й Гир все еще с нами! Если вы знаете способ, не требующий превращения этого мира в 1-й Гир, тогда позвольте мне его услышать!

В Библиотеке Кинугасы звучал голос. Он принадлежал Зигфриду.

— У 1-го Гира была проблема с переходом в другие Гиры. Различие между их расами так велико, что многие из них могли жить только под концептами 1-го Гира.

Он стоял напротив стола с чашкой в руке, а Казами смотрела на него со своего места.

— Как они выживали в 1-ом Гире?

— Благодаря силе письма. Не проводилось никакого глубинного исследования, но предположительно их генофонд несет в себе среди прочего и функцию письма. То же самое относится и к их миру. Воздух и небо содержат духов, что переносят значение письма.

— Выходит, концепты мира и его жители идеально подходят друг другу, — произнес Изумо, сидящий рядом с Казами. — Тем, кто привязался к этому Гиру, будет тяжело отправиться в другие.

— Да. 1-й Гир никогда не был могущественным Гиром. Но они усиливали свои расы, периодически сражаясь с другими Гирами, до тех пор, пока они, наконец, не достигли успеха в создании механических драконов, считавшихся мастерами земных сражений. Под конец своих исследований они сконструировали двух Фафниров, как своих флагманов-драконов. Но механические драконы 1-го Гира обладали определенным дефектом.

— Дефектом?

— Когда с ним соединялся пилот, это вызывало сильную отталкивающую реакцию, которая убивала большинство пилотов. И даже если пилоты выживали, они никогда больше не могли вернуться в свою первоначальную форму. Они оставались механическими драконами до конца своих дней.

— И один из этих выживших до сих пор существует, так? Один из главных, называемый Фафнир Возрожденный.

— Верно. Из двух Фафниров я убил того, что служил внутри королевского дворца. Но в то же время другой, которого модифицировали в оружейной лаборатории, избежал разрушения 1-го Гира.

— Зачем они вообще их создали? Представители 1-го Гира, должно быть, очень любили воевать.

Зигфрид покачал головой.

— Они ненавидели воевать. Король 1-го Гира утратил в Концептуальной Войне свою королеву. Вот почему он создал для обороны механических драконов. Он не желал, чтобы кто бы то ни было проник в 1-й Гир до часа разрушения. Он также разделил извлеченное Концептуальное Ядро на две части, использовал концепты, что контролировали сооружение мира, для того чтобы запечатать мир, и сосредоточился на оборонительной роли.

— Разве это... не то же самое, что отказаться от Концептуальной Войны?

— Да, то же самое. И вот почему...

Зигфрид неожиданно замолк. Он поднес свою чашку ко рту и произнес кое-что другое:

— В зависимости от действий Саямы, вы, вероятно, узнаете в скором времени остальное.

В задней части обширного зала под базой 1-го Гира находилась огромная перегородка.

Брюнхильд двинулась в направлении бокового входа рядом с ней.

Она все еще слышала голос Фафнера за спиной, но он исчез, едва дверь позади нее закрылась.

Теперь вокруг потемнело. Черный кот и ее стопы растворились в этом мраке.

— А тут прохладно, — сказала она, кивнув, перед тем как взглянуть вверх.

Потолок терялся в высоте, и в центре находился малиновый свет. Он исходил от небольшого свисающего колокола со словом «факел», запечатленным на нем.

И как только ее глаза привыкли к свету, Брюнхильд глянула вниз.

Она стояла в громадном холле, почти как том, что остался позади нее.

— Но это не общественное помещение. Это отдельная комната...

Когда она опустила свой взор, перед глазами Брюнхильд возник гигантский гороподобный силуэт.

Но то была не гора. А скопление форм с несколькими поверхностями, и все они составляли семь гор, окрашенных белым. Голова, тело, четыре конечности, и хвост вместе составляли семь.

Перед ней лежал стальной дракон.

Этот механический дракон был выше тридцати метров длиной, и сейчас развалился на полу. Его базовая расцветка состояла из белого и темно-зеленого, но движущиеся части блестели черным. И большая часть его оружия была убрана.

К каждой из точек крепления присоединили черные муляжи оружия. Помимо радиаторов, которые выглядели как сложенные крылья, и стандартных клинков на спине и четырех конечностях, никакие атакующие приспособления не были видны. Большинство его стандартного вооружения хранилось внутри, но все закрывающиеся бойницы на броневых листах покрывали желтые метки, означающие, что отладка завершена.

— ...

Пока Брюнхильд молча осматривала дракона, сверху ее неожиданно позвал голос:

— Ты что-то хотела, Брюнхильд?

Она удивленно подняла глаза и обнаружила фигуру, стоящую у дракона на спине.

То был высокий пожилой мужчина. С длинными, седыми волнистыми волосами и бородой под стать им. Он, разумеется, накинул темно-зеленый плащ.

Мужчина слегка сиял в тусклой тьме, и он был прозрачным.

Глядя на него, Брюнхильд поклонилась.

— Я, Брюнхильд, вернулась, Преподобный Хаген. Вы спали?

— Нет, я бодрствовал. ...Хорошо, что ты вернулась.

Глаза старика прищурились, и на его губах появилась улыбка, но его голос исходил из другого места. Он прозвучал из черной прорези на спине дракона, напоминающей вентиляционный канал, что расположилась прямо перед ее глазами.

Когда Брюнхильд снова двинулась, в теле механического дракона раздался слабый звук. Этот звук, напоминающий отблеск, исходил от вспомогательных объективов, покрытых защитным материалом. То был звук взора дракона, следующего за ней.

Но Брюнхильд не обращала на это никакого внимания, глядя прямо на старика. Он же заговорил с ней, словно был не более чем простым стариком.

— Как все прошло?

— Мой фамильяр предоставит все детали... Что собирается делать фракция Королевского Дворца?

— Похоже, они сдадутся через три дня после этого. Гонец сказал нам, что их действия завершены после той последней атаки.

— Ясно, — произнесла Брюнхильд, соглашаясь.

Черный кот у ее ног вздохнул и сказал:

— Так вот почему Фафнер и остальные так возбуждены. Остановите их, Преподобный Хаген.

— Эй, что ты такое говоришь?

Брюнхильд подхватила и прижала к себе кота, тогда как старик, Хаген, горько улыбнулся.

— Я не могу так поступить, мой маленький товарищ.

— Серьёзно? Это из-за того, что они ваши товарищи?

— Нет. Если бы я так поступил, они бы погибли, даже если бы я сдерживался. Мы не можем такого допустить.

Кот глянул на Брюнхильд.

— Мне следует на это рассмеяться или проигнорировать?

— Тебе следует избегать задавать подобные вопросы, — произнес Хаген с еще одной горькой улыбкой. Затем он озабоченно нахмурился. — Брюнхильд, я могу получить подробный отчет от этого кота позже. Есть ли еще какая-то информация, которой ты желаешь со мной поделиться?

— Да. USAT послала еще полностью не сформированное специальное подразделение для Пути Левиафана в бой. Также Фасольт, сотрудничающий с USAT в составе мирной фракции, вероятно, встретится завтра с лицом, ответственным за Путь Левиафана.

— Они определенно торопят события. Значит, Фасольт окончательно перешёл на сторону Лоу-Гира...

— Я понимаю, почему Фафнер ведет себя так безрассудно. В конце концов, он сын Фасольта.

— Воин, зовущий своего отца неудачником... он сейчас ведет споры с остальными, не так ли? Как он там? Молод?

— ...Я бы сказала, скорее неопытен, чем молод. Похоже, он использует детские доводы и утверждает, что они справедливы.

Горькая улыбка Хагена усилилась после слов Брюнхильд.

— Ему ничего не остается, кроме как бросаться детскими доводами. Это дитя, пытающееся убедить взрослых, которым нужны для всего причины. Но... когда взрослые приучат себя действовать на основе произвольных причин, они в итоге проиграют, когда дитя начнет всерьёз настаивать на детской справедливости. Они проиграют не детским доводам, но чему-то гораздо более опасному.

— Чему-то... более опасному?

— Да, чему-то очень опасному. Чему-то, что у нас некогда было, чему-то, чего у нас никогда больше не будет, и чему-то, чем мы однажды воспользовались, чтобы оттеснить взрослых. — Он оперся рукой на подбородок и взглянул вверх. — Сын Фасольта получил хорошее воспитание.

— Похоже на то, что в резервации USAT Фасольту довелось пройти немало трудностей.

— Да, — ответил Хаген, по-прежнему взирая вверх. — По правде сказать, Фасольт сделал в этой резервации немало. Он смирился, что USAT контролируют концептами, сосредоточившись на безопасности крошечной резервации. Все жалуются на то, что он не сделал ничего кроме этого, но жизни мирной фракции в той резервации находятся в руках USAT.

— Если Концептуальное Пространство удалят, большинство из них не продержатся и месяца.

— Фасольт и остальные получили возможность жить, как они живут, только благодаря переговорам, что они провели, используя имущество и знания, с которыми бежали... и благодаря милости УСАТ, я полагаю.

— Вам не следует говорить это остальным.

Брюнхильд нахмурилась и глянула на Хагена.

По-прежнему поддерживая подборок рукой, старик слабо улыбнулся. Эта улыбка медленно усилилась.

— Я знаю. В конце концов, именно я привел всех сюда и воспользовался Концептуальным Ядром для создания этого пространства. ...Как бывший проводник и нынешний защитник, я необходим в качестве лидера для всех. Как бы мучительно это ни было. — Он повернулся к Брюнхильд. — Как насчет того, чтобы обменяться? Ты можешь забрать моего Фафнира Возрожденного, а я заберу твою Реквием Зензе. Я буду чувствовать себя гораздо счастливее, болтая о старых временах с жителями Преисподней.

— Это невозможно. После слияния с механическим драконом вы не можете отделиться, не так ли? И концепт создания Преисподней здесь, в Лоу-Гире, слишком слаб. Даже если вы отворите ее с Зензе, жители смогут выходить наружу лишь на краткие периоды времени.

— Правда... Если бы мы могли поговорить с ними надлежащим образом, это помогло бы уменьшить всеобщую вражду.

Хаген поднял голову и взглянул на перегородку, отделяющую холл от остального помещения.

— Не страшись мы так разрушения мира, мы могли бы спасти гораздо больше жизней.

Он опустил взгляд. Когда теневые фильтры добавились к приборам видения, из Фафнира слышались тихие звуки.

— Жаль, что и той птице не удалось уцелеть.

— Это его вина. Он ее бросил.

— Может, он её и бросил, но как раз мы её не спасли.

При этих словах Хаген открыл глаза. И следом он вдруг вымолвил единственное имя во тьму.

— Фафнер.

Приборы видения зашевелились, и лицо Хагена повернулось к месту за спиной Брюнхильд.

Она обернулась и увидела в темноте черную бронированную фигуру. Брюнхильд и черный кот резко отступили назад и насторожились.

— ...Как давно ты здесь?!

— Я только вошел. Не нужно так настораживаться. Мой элемент — это темнота. Я путешествующий во тьме полудракон. Я могу переместиться куда захочу, до тех пор, пока это место заполнено тенями.

Фафнер переменял свою сущность от простого присутствия в темноте до полноценного физического тела.

Не поворачиваясь к Брюнхильд, он поклонился Хагену.

— Каковы наши дальнейшие действия? — спросил он.

Хаген сел и указал на перегородку своим подбородком.

— У вас было совещание на той стороне, не так ли?

— Наша точка зрения взяла верх, и поэтому мы пришли к выводу, что следует оставить окончательное решение за Вами, Лорд Хаген.

— Я вижу, ты снова начал разговаривать формально, — промолвил Хаген, почесав голову. — Хмм. Что ты скажешь на то, если я приму решение после того, как увижу, что Фасольт предпримет завтра? Брюнхильд сообщила, что они проводят завтра предварительные переговоры с УСАТ, не так ли?

— Да. Эта информация получена от мирной фракции, так что ей можно доверять.

Соглашаясь, Брюнхильд кивнула и глянула на Фафнера.

Фафнер глянул на нее, опустил плечи и вздохнул.

— Э-э, Лорд Хаген, наверное, мне не стоит этого говорить, но...

— О, ты вернулся к своей привычной манере. Говори свободно.

Фафнер мастерски сложил свои длинные руки и подпер подбородок кулаком.

— Почему Вы откладываете с решением? Мы собрались вокруг Вас, и Вы завели нас так далеко.

— Я бы предпочел, чтобы ты не говорил так, словно у меня нет никакой свободы.

— Это ваш долг как того, кто стоит над всеми нами.

— Я полагаю, ты прав... Прости.

Когда черный кот это услышал, он постучал по ноге Брюнхильд.

— ...Кто из этих двоих занимает более высокое положение?

— Я, — ответила Брюнхильд, и Фафнер и Хаген оба к ней повернулись. Она кивнула и произнесла. — Прощу, продолжайте вашу конструктивную дискуссию.

Фафнер вздохнул, убрал руку от подбородка и поднес ее к голове.

Он постучал по броне на его голове когтем перед тем, как снова заговорить:

— Лорд Хаген, Ваш младший брат, Преподобный Регин, и Ваша племянница, Леди Гутрун, были убиты Зигфридом, а вы не смогли защитить короля. Где же ваше недовольство по этому поводу?

— Это очень хороший вопрос. Я знаю, что оно где-то внутри меня, но я позабыл, где именно. Фафнер, я уверен, ты рассчитываешь на то, что оно где-то в районе моего реактора вооружения. И...— Хаген слегка кивнул. — В то время погибла не только моя семья. Я принял решение не поддаваться чувствам. Я начну действовать, когда все будут согласны с этим или когда появится подходящая возможность. В данный момент такой возможности не появилось. Не торопись, Фафнер. Поспешность может привести к потере чего-то важного.

Хаген на этом не остановился. Он продолжил, задавая вопрос.

— И ради чего же сражаешься ты, Фафнер?

Фафнер поднял голову. Он встретил взгляд Хагена и медленно заговорил:

— Чтобы восстановить... то, что некогда у нас было.

— Вот как, — ответил Хаген. Он не отвернул взгляд от глаз Фафнера, когда продолжил. — В таком случае, запечатлей эти слова в своем сердце. ...Никогда их не забывай.

Саяма и Синдзё шагали ночью через территорию школы.

Передние и задние двери общего корпуса второго года были закрыты, потому они не могли войти.

С Баку, сидящим на его плече, Саяма попытался несколько раз повернуть ручку.

— Не выходит... Мне бы сейчас не помешали навыки Кодзи.

— Ты говоришь о том Кодзи, который подобрал тебя вчера?

Саяма начал кивать в ответ, но остановился. Он глянул на фигуру, стоящую рядом с ним.

— Я упомянул его вскользь лишь сейчас... но откуда о Кодзи известно тебе, Синдзё-кун?

Через секунду Синдзё замахал руками.

— Ой, ну, мне рассказывала сестра, как прибыл некто удивительный, чтобы тебя подобрать. — Синдзё перестал махать руками, и уставился на Саяму. — Что за недоверчивая мина? Не говори мне, ты подозреваешь меня в том, что я — это моя сестра.

— Нет. Я снял эти подозрения после того, как ранее проверил твоё тело. Ты выглядишь, на удивление, как она, но ты парень.

— Ты бы предпочел, чтобы на моем месте была моя сестра?

— Но она не пришла, поэтому незачем это обсуждать... Во всяком случае, нет смысла стоять тут, если я не могу провести тебя внутрь. Ранее, я услышал странный звук с крыши, поэтому подумал, что, может быть, кто-то остался внутри. Мы можем вернуться в общежитие на ночь.

Когда Синдзё услышал последнее предложение, его плечи поникли.

— Хотелось бы еще немного прогуляться по округе.

— Но ты не открыл даже пять своих коробок.

Синдзё застонал и сложил руки на груди.

Затем Саяма сказал:

— Мне нужно будет уйти с утра по кое-каким делам, но когда я вернусь, мы сможем сходить купить какие-нибудь повседневные принадлежности. Я могу сводить тебя по магазинам неподалеку... но если ты будешь ждать со своим багажом до завтра, ты не будешь знать, что тебе нужно, не так ли?

— Думаю, нет. Но я удивлен, Саяма-кун. Ты, оказывается, можешь выдавать приличные аргументы.

— У меня такое чувство, что мне нужно сесть и втолковать тебе некоторые вещи...

— Хе-хе. Как бы там ни было, я не привык к этому месту, поэтому тебе придется о многом мне рассказать: о дорогах, магазинах, и о людях. Говорят, баней нельзя пользоваться во время весенних каникул.

— Да. В это время доступен только душ в общежитии. Если тебе не к спеху, то тут есть круглосуточная баня как раз за школьными воротами.

— Хорошо, — кивнул Синдзё.

Затем он опустил глаза, слегка улыбнулся и зашагал рядом с Саямой.

Вдвоём они продолжили путь бок о бок.

Лунный свет отбрасывал на землю их тени. Неожиданно Синдзё указал в направлении школьного двора рядом с корпусом.

— Саяма-кун. Что это за башня на другой стороне школьного двора?

— О, это подъем банджи-джампинга, который клуб альпинизма создал в прошлом году для школьного фестиваля. Несколько страховочных тросов свисают сверху, ты привязываешь их к своим лодыжкам, взбираешься на двадцатиметровую стену своими силами, и затем прыгаешь оттуда вниз.

— Это действительно эффектно...

— Да. Неудивительно, но у них возникли проблемы, когда люди, падающие сверху, врезались в тех, кто подымался снизу. Ха-ха-ха.

— Это совсем не смешно!

— Не переживай об этом. Люди на удивление крепкие создания.

— Серьёзно? — вздохнул Синдзё. После чего указал на стеноподобное произведение искусства рядом со зданием столовой. — А вон то?

— О, это было создано в память о выпускниках много лет назад. Они сделали глиняные версии своих отпечатков и запечатали их на доске. Это одно из самых знаменитых мест в школе.

— О. Так это знаменитое место.

— Именно. Оно предполагалось как памятная декорация, но в итоге превратилось в какое-то ужасающее произведение искусства, из-за участия более тысячи учеников. Они пытались ее убрать, но экскаватор перевернулся, и оставил свои отпечатки по всей доске. Ха-ха-ха.

— Прекрати рассказывать такие вещи так весело.

— Это еще не все. Громадная рука, видимая на другой стороне принадлежит... А-а, стой. Прекрати меня тянуть.

Синдзё схватил Саяму за рукав и потянул его к общежитию.

На миг Саяма бросил взгляд на корпус второго года.

Сбоку от здания он увидел пролет аварийной лестницы. Парень обратил внимание на него и этим утром.

По какой-то причине, у него было чувство, что ситуация меняется каждый раз, когда он на него глядел. Саяма горько усмехнулся.

Синдзё должно быть заметил, куда он смотрит, потому что спросил:

— Что там?

— С твоим прибытием и прочими вещами я стал замечать, что моя повседневная жизнь меняется.

Как сильно она переменится? Спросил Саяма самого себя.

И затем пришло темное чувство, напоминающее беспокойство.

Смогу ли я вообще измениться?..

Едва он промолвил эту мысль в своем сердце, Синдзё склонил голову, глянул на него и заговорил:

— Тебе любопытно, как сильно все переменится?

Услышав этот вопрос, Саяма оглянулся на Синдзё.

— ...

В свете луны, лицо Синдзё находилось так близко, что Саяма мог достать до него и дотронуться.

Черные волосы Синдзё развевались в бело-голубом сиянии луны. Его черные глаза смотрели прямо на Саяму.

Саяма узнал движение этих волос и цвет этих глаз.

Глаза и волосы Синдзё Садаме, подумал он. Но это иллюзия.

Он ощутил, что это грубо по отношению к Сецу, но его сердце поглотили другие чувства. Саяма понимал — это так сильно тяготило его разум потому, что он ее принял.

...Она моя противоположность.

Он и Синдзё. Заурядное и незаурядное. Обычные и конфликтные идеи пересекались между собой.

Когда эти мысли пришли ему в голову, его губы невольно зашевелились, и Саяма негромко заговорил.

Сперва он ответил на вопрос Синдзё.

— Мне... любопытно.

Глаза Синдзё слегка сузились. Саяма не был уверен, из-за улыбки это или нет.

Но Саяма кивнул в сторону Синдзё, и на его губах появилась легкая улыбка.

— Но... Мне любопытно не то, насколько сильно все изменится. Мне любопытно, буду ли я в состоянии измениться сам.

— Ты очень серьезный человек, Саяма-кун.

— Вовсе нет.

Едва он заявил это о себе, его улыбка приобрела оттенок самоиронии.

И будто в ответ на слова Саямы возникло движение.

Это ветер.

Он задул с востока, но не в виде свиста или звука. Он неожиданно ударил с неодолимым напором.

— !..

Этот ужасающий ветер словно обрушился на них.

Его мощь стерла все прочие звуки.

Едва он захлестнул Синдзё, тот придержал свои волосы и пригнулся. И как только Саяма это увидел...

Он принял меры. Пока Синдзё морщился от ветра, Саяма притянул его к себе и прикрыл руками.

— Ах, — все, что Синдзё смог произнести, когда руки Саямы окружили его стройные плечи.

В тот же миг, ветер взвалился на плечи Саямы, словно физическая масса.

Баку едва не сдуло, но зверек лихорадочно прижался к плечу Саямы.

На фоне того громадного ветра, Саяма увидел клубы дыма, вылетевшего с крыши корпуса второго года.

— ?!

Он прищурился и присмотрелся сквозь ветер. Белый дым расстелился как туман и быстро исчез в небе.

...Что это было?

Подозрения Саямы усилил вопрос, заданный Синдзё вслед:

— Песок? Но этого не может быть. Откуда песок возьмется на крыше?..

Но Саяма не мог придумать ничего другого, чем бы мог оказаться этот дым.

Ветер утих и постепенно исчез.

И словно в ответ на ослабший ветер, тело Синдзё в его руках слегка напряглось.

Его тонкий палец ткнул в грудь Саямы и его черные глаза глянули вверх.

— Э-эм, я в порядке, так что...

Голос Синдзё звучал слегка растерянно, и он слегка заерзал в руках Саямы. Когда Саяма ослабил хватку, Синдзё освободился от этих пут и отступил на шаг.

Саяма принял топот Синдзё по гравию как остатки того западного ветра, что пронесся между ними.

Ощущение стройных плеч оставалось в руках Саямы, когда Синдзё заговорил:

— Это меня удивило. Я совсем не ожидал, что ты ни с того ни с сего меня обнимешь.

— Выглядело так, словно ветер причиняет тебе боль.

— Н-но... Я парень.

Саяма на это наклонил голову. Он удивился, почему Сецу вдруг об этом заговорил.

— Разве есть связь между тем, что ты парень и тем, что тебе могло быть больно?

— Н-наверное, нет ...

— Мы соседи по комнате. Нет ничего плохого в подобных действиях. Если ты желаешь этого, и я желаю этого, в таком случае, я выполню это твое желание. Вот и все, что нужно сделать. Таков этикет семьи Саяма, в который я верю.

Он тряхнул правой рукой, чтобы расправить рукав рубашки, и затем протянул ее Синдзё:

— Если тебе больно, а я захочу тебя защитить — я встану на твою защиту. Если ты не желаешь одиночества, а я захочу с тобой общаться — я с тобой поговорю. Если ты решишь нести свои заботы самостоятельно, и я о тебе забочусь — я оставлю тебя в одиночестве. Если ты не желаешь быть здесь, а я желаю тебе только лучшего — я тебя возненавижу.

И...

— Если ты пожелаешь стать к кому-то ближе, а я это замечу — я тебя поддержу. Как это звучит?— спросил Саяма. — Я не потребую ничего от тебя. Я потребую только с себя. Чтобы заложить основу этого этикета, я должен внушать доверие. Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея. Поэтому, если ты не выступишь против меня, я попросту вознагражу тебя этим. ...А ежели выступишь, то я не стану ничего возвращать.

Синдзё глянул на протянутую руку Саямы. Затем он слегка поднял свою правую руку, чтобы протянуть ее Саяме.

— ...

Но он остановился.

Саяма поднял глаза и увидел лицо с опущенными бровями над застывшей рукой Синдзё.

С этим неловким выражением лица, Синдзё наклонил голову и задал вопрос:

— Не слишком ли ты формален, Саяма-кун?

— Я дарю тебе мой этикет и доверие. Думаешь, я похож на того, кто бросает слова на ветер?

Синдзё на несколько секунд на него уставился.

Затем открыл рот, желая что-то сказать, но остановился. И следом...

— Нет.

Он потряс рукой, и плечи Синдзё расслабились. С по-прежнему опущенными бровями, он горько улыбнулся.

Вслед за этим, Синдзё протянул правую руку Саяме и пожал его руку.

Рука Синдзё была мягкой. Саяма бережно держал эти пальцы, кивнул и вздохнул с облегчением перед тем как заговорить.

— Тогда позволь сказать мне это официально: приятно познакомиться, Синдзё-кун.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274144>